DOI: 10.17976/jpps/2023.02.06
EDN: BZYWWX

"ПОЛИТИЧЕСКИЙ АТЛАС СОВРЕМЕННОГО МИРА 2.0": К ПОСТАНОВКЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

А.Ю. Мельвиль, А.В. Мальгин, М.Г. Миронюк, Д.К. Стукал

МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель и декан факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: amelville@hse.ru, **МАЛЬГИН Артем Владимирович**, кандидат политических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России; проректор по развитию, МГИМО МИД России, Москва, email: artemmalgin@gmail.com, **МИРОНЮК Михаил Григорьевич**, кандидат политических наук, доцент департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: mmironyuk@hse.ru, **СТУКАЛ Денис Константинович**, PhD и кандидат политических наук, доцент департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: dstukal@hse.ru

Мельвиль А.Ю., Мальгин А.В., Миронюк М.Г., Стукал Д.К. 2023. "Политический атлас современного мира 2.0": к постановке исследовательской задачи. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 72-87. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.06. EDN: BZYWWX

Статья подготовлена в рамках консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ из средств гранта на реализацию программы стратегического академического лидерства "Приоритет-2030". Авторы выражают также благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания.

Статья поступила в редакцию: 08.12.2022. Принята к публикации: 11.01.2023

Аннотация. В статье представлены контуры созданного в 2022 г. консорциума МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ для совместного осуществления исследовательского проекта "Политический атлас современного мира 2.0". Одна из центральных задач данного проекта – исследование характеристик государств, определяющих их положение в мировой системе. При этом очевидный научный вызов перед коллективом консорциума связан с тем, что и государства, и мировая система, в которой государства являются важными, но не единственными акторами, претерпевают всевозможные изменения, а также выступают как источниками, так и объектами воздействия в континууме международных отношений. Решение поставленной задачи в контексте этого вызова видится в определении и систематическом измерении характеристик государств, описывающих как располагаемые ими ресурсы, так и особенности и результаты их функционирования. В рамках исследовательского проекта предстоит осуществить реконцептуализацию зарекомендовавших себя ранее индексов государственности, потенциала международного влияния, внешних и внутренних угроз, качества жизни и институциональных основ демократии, а также уточнить используемые в индексах переменные. В ходе реализации проекта планируется апробировать на возросшем объеме данных, представленных временными рядами, новые методы анализа (например, методы байесовской статистики, сетевой анализ и др.), что в том числе открывает возможности оценивать динамику позиций государств в мире. В настоящее время поиск количественных показателей устойчивости государств находится в фокусе как академических, так и прикладных исследований и представляется важной частью усилий по реконцептуализации государственности. Параллельно с концептуальным продвижением в рамках подготовки проекта идет разработка программной среды для визуализации и осуществления доступа представителей академического и экспертного сообществ и лиц, принимающих решения, к результатам проекта, –

в том числе за счет продолжения и развития онлайнового энциклопедического ресурса по политическим и социально-экономическим системам современных государств.

Ключевые слова: консорциум, атлас, МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ, государство, миропорядок, индекс, статистический анализ, устойчивость, государственность, угроза, влияние, качество жизни, демократия.

Введение

Летом 2022 г. между МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ было подписано соглашение о консорциуме по совместному осуществлению исследовательского проекта "Политический атлас современного мира 2.0" (далее по тексту – "Атлас 2"). У этого проекта солидные заделы – прежде всего реализованный в МГИМО МИД России проект "Политический атлас современности" (далее по тексту – "Атлас 1"), результаты которого были опубликованы на русском языке в одноименной коллективной монографии [Политический атлас... 2007] и в расширенном варианте в изданной в Великобритании англоязычной коллективной монографии [Melville et al. 2011], а также в серии статей в научных отечественных и зарубежных периодических изданиях. Кроме того, в рамках этого проекта в МГИМО МИД России был издан четырехтомный энциклопедический справочник "Политические системы современных государств" (2009-2014) [Политические системы... 2009-2014].

Для характеристики особенностей положения государств в мировой системе в "Атласе 1" были разработаны пять оригинальных индексов – (1) государственности; (2) внешних и внутренних угроз; (3) потенциала международного влияния; (4) качества жизни; и (5) институциональных основ демократии, – и по результатам экспертных дискуссий определены их составляющие и созданы соответствующие эмпирические базы данных. Полученные результаты были обработаны с использованием различных методов многомерного статистического анализа, включая дискриминантный анализ, метод главных компонент, кластерный анализ и др. Эти результаты позволили раскрыть расположение современных государств в пространствах четырех выявленных оппозиций (главных компонент): (а) качества жизни и внешних и внутренних угроз: (б) государственности и демократии; (в) государственности и качества жизни; а также (г) потенциала международного влияния.

Проект МГИМО "Атлас 1"[1] дал своего рода "фотографию" различных измерений положения стран в мировой системе на 2005 г., а с учетом упомянутого выше энциклопедического справочника (с представленными в нем новыми эмпирическими данными) – отчасти и вплоть до 2014 г. Результаты проекта были представлены на авторитетных отечественных (РАМИ, РАПН и др.) и международных научных симпозиумах, включая конвенты и конференции APSA, ASEEES, BISA, IPSA, ISA и др. С тех пор, однако, происходили и происходят (особенно в настоящее время) радикальные изменения в структуре современного миропорядка и динамике ключевых характеристик государств. В исследованиях, осуществленных в последние годы в НИУ ВШЭ[2],

[1] В 2012 г. его англоязычная версия "*Political Atlas of the Modern World*" [Melville et al. 2011] была отмечена в числе "10 лучших атласов мира" в издании "*Independent*". См.: Muston S. The 10 Best atlases. *Independent*, 09.05.2012. www.independent.co.uk/arts-enternainment/books/features/the-10-best-atlases-7723201.html (accessed: 24.01.2023).

[2] Прежде всего, это поддержанный РНФ проект "Новые подходы к анализу могущества и влияния современных государств в условиях меняющегося мирового порядка" (2017-2019) и проект факультета

предпринимались попытки выявить и зафиксировать с помощью методов многомерного статистического анализа некоторые параметры траекторий перемен. Вместе с тем остается множество важных и пока что нерешенных теоретико-методологических и эмпирических проблем, нуждающихся в серьезном анализе. Начатый МГИМО и НИУ ВШЭ совместный проект "Атлас 2" призван обеспечить исследовательскую синергию двух крупных научных коллективов и, по крайней мере, продвижение на пути к пониманию происходящих в мире глубоких изменений.

В настоящей статье мы постараемся выявить и определить эти разнородные проблемы концептуального характера и наметить возможные пути их решения.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОТПРАВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И НОВЫЕ АКЦЕНТЫ

В совместном исследовании МГИМО и НИУ ВШЭ мы исходим из базовой *"теневой теории"*, во многих положениях заложенной еще в "Атласе 1", но при этом стремимся учесть теоретическое развитие современной политической науки и международных исследований, а также динамику глобальной и региональной политической реальности и процессы, происходящие на уровне рассматриваемых стран.

В центре нашего внимания – специфические особенности современных государств, определяющие их положение в мировой системе и состояние нынешнего меняющегося миропорядка. При этом сам концепт *мирового порядка*, особенно сегодня, в период его драматических изменений, нуждается в серьезных теоретических уточнениях[3]. Здесь множество непростых и все еще не решенных проблем, касающихся самой природы миропорядка, его генезиса и нормативных оснований, механизмов и инструментов его трансформации и др.

Ключевые в новой и новейшей истории и детально проанализированные в литературе системы международных отношений: Вестфальская, Венская, Версальская (Версальско-Вашингтонская), Ялтинско-Потсдамская и в определенной мере постсоветская, возникшая после окончания холодной войны и распада СССР и социалистического "лагеря", – фиксировали признанные на тот исторический момент нормативные и институциональные рамки взаимоотношений между ключевыми международными игроками. Нормы и институты в каждом случае, хотя и в разной степени, закрепляли распределение мощи и влияния, признаваемое ведущими международными участниками (в некоторых случаях, строго говоря, не столько глобальными, сколько региональными, в первую очередь европейскими). Системы могут быть *неупорядоченными* в достаточной мере [Bull 1977][4], они могут сменять друг друга – по мере

социальных наук НИУ ВШЭ "Государства в меняющейся структуре мира" (2021). Полученные результаты были отражены во многих публикациях в отечественных и зарубежных периодических изданиях, докладах на авторитетных научных конференциях [Мельвиль, Миронюк 2020].

[3] Интенсивная дискуссия о содержании данного концепта ведется уже продолжительное время. Если брать ее преимущественно академическое направление, а не политическое (и нормативное), представленное, например, на страницах журнала "*Foreign Affairs*" (даже если в дискуссии принимают участие видные члены академического сообщества), то определенную ценность в качестве введения в проблему порядка представляют такие книги, как "*International orders*" [Hall 1996] и "*International Order and the Future of World Politics*" [Paul, Hall 1999].

[4] Обратим внимание на то, что Х. Булл разделял концепты "порядка" и "системы", "мирового порядка", "международного порядка" и "международной системы" [Bull 1977].

роста и упадка гегемонов (через "большие" войны), но при этом в целом они находятся в рамках примерно тех же норм и основополагающих принципов (в этой логике вестфальский порядок пережил несколько систем, включая и одноименную, на соответствующем этапе истории Европы).

Нынешняя *переходная* ситуация во многом специфична, новый порядок в мире пока только возникает и находится в процессе достаточно болезненного и с трудом предсказуемого становления. Нормативное и институциональное закрепление нового порядка пока что относится к отдаленной перспективе, а результаты в конечном счете будут определяться многими факторами: стратегией и политической волей ключевых международных игроков, их внутренней поддержкой на элитном и массовом уровнях, имеющимися у них экономическими, военными, технологическими и иными (включая нематериальные) ресурсами разного рода, в том числе коалиционными, договорными и др. Во многих отношениях действие перечисленных факторов труднопредсказуемо и отнюдь не всегда эмпирически измеряемо. Тем не менее имеющиеся у государств ресурсы и возможности, прежде всего материальные, могут быть с той или иной определенностью учтены для получения и изучения различных измерений многомерной картины положения государств в мировой системе и ее динамики.

При этом важным и недостаточно проясненным вопросом остается соотношение имеющихся материальных ресурсов и долгосрочной политической эффективности предпринимаемых теми или иными государствами действий. Речь в данном случае идет о том, что в определенных ситуациях действия того или иного государства в отношении другого или других участников мировой политики при наличии политической воли и стратегии могут быть успешными даже в случае *дефицита ресурсов*, казалось бы, необходимых для достижения поставленных целей. Так, успешные действия Пруссии эпохи Бисмарка нередко приводятся в литературе в качестве примера подобной успешности [Фененко 2018]. Остается, однако, теоретически и эмпирически неясным, насколько стратегия, не подкрепленная (или недостаточно подкрепленная) необходимыми ресурсами, может быть эффективной в относительно долгосрочном плане [Melville, Akhremenko, Mironyuk 2019].

Среди других наиболее остро стоящих в настоящий момент вопросов, требующих прояснения, отметим следующие. Во-первых, *нормативная природа* мирового порядка, то есть фиксация нормы в тех или иных международных соглашениях (или, в ситуации отсутствия таковых, *de facto* складывающиеся иерархии и отношения). Во-вторых, *генезис и динамика* мирового порядка, и прежде всего механизмы его рождения и формирования (включая инструменты насилия как "повивальной бабки истории"). Наконец, в-третьих, *институциональные основы* мирового порядка (институты и нормы, отражающие новые и фактически признаваемые балансы сил, и пр.). Этот блок вопросов в целом выходит за рамки амбиций данного проекта МГИМО и НИУ ВШЭ, но продвижение в поисках ответов на них так или иначе должно оказаться в числе результатов нашего исследования.

Мы исходим из того, что в "онтологической" основе современного миропорядка – почти две сотни суверенных государств-членов ООН. Это базовые *"ячейки"* мировой системы, хотя и очень разные по своим традициям и государственным качествам, по степеням их суверенности, по уровням развития, по

имеющимся у них материальным и нематериальным ресурсам, по стоящим перед ними внутренним и внешним вызовам и угрозам, по режимным характеристикам, реальному положению, международному влиянию и пр.[5] Эти государства-ячейки имеют *эволюционную* природу, они не только оформлены пространственным образом, но и существуют в свойственных им временных координатах, то есть подвержены процессам становления, развития и в ряде случаев угасания и упадка.

В "Атласе 1" таких государств было 192, сегодня уже 193 (не считая Ватикана и Палестины, которые, не являясь *государствами* – членами ООН, получили постоянное приглашение участвовать в качестве наблюдателей в сессиях и работе Генеральной Ассамблеи и имеют постоянные миссии наблюдателей в центральных учреждениях этой организации). Кроме того, как известно, в мире существуют также иные *de facto* государственные образования, то есть обладающие основными признаками государственности – контролем над территорией, соответствующим административным потенциалом, полицейскими и вооруженными силами и др., но в силу разных причин формально *непризнанные* в качестве суверенных государств, несмотря на продолжительное существование. Примеры этому: Тайвань, Турецкая Республика Северного Кипра и др. Есть также и *квазигосударственные* (виртуальные) образования (например, Сомалиленд, Мальтийский орден и др.). Отдельную группу составляют по тем или иным причинам не входящие в состав членов ООН *непризнанные* и *частично признанные* государства (например, Косово, Приднестровье, Нагорно-Карабахская Республика и др.).

Совсем новая тенденция состоит во включении некоторых из них в состав *государств-реципиентов* (как это, в частности, произошло в 2022 г. в случае с ДНР и ЛНР). Есть все основания предполагать, что эти новые явления окажут свое влияние на динамику современного миропорядка и потребуют соответствующего теоретического обоснования. Но как бы то ни было, именно государства – члены ООН (при всей их указанной выше разнородности) в настоящее время составляют своего рода "костяк" мировой системы. В "Атласе 2" именно эти 193 государства являются объектами анализа, хотя в тенденции их список может быть расширен, в том числе за счет включения частично признанных и даже непризнанных государств. В перспективе возможно включение в анализ также влиятельных межгосударственных и негосударственных образований. Разумеется, такое теоретически допустимое расширение рассматриваемой выборки потребует новых концептуальных обоснований и коррекции используемых методов анализа[6].

Отдельный существенный и пока нерешенный в нашем исследовательском контексте вопрос связан с положением и ролью *международных* и иных

[5] Известный и используемый в литературе рейтинг недееспособности (*fragility*) государств оценивает, в частности, такие их качества, как эффективность их контроля целостности территории, демографической, экономической, социальной и политической ситуации в стране [Haken et al. 2022]. Однако примеров сравнительного изучения различий между формально суверенными государствами – членами ООН, разумеется, много больше.

[6] Заметим, что формирование выборки стран для анализа важно для развития информационно-просветительского направления и в проекте "Атлас 2". Оно, в частности, предполагает создание на ресурсной базе МГИМО (в том числе на базе упомянутого выше четырехтомного энциклопедического словаря "Политические системы современных государств") нового периодически обновляемого онлайн-ресурса по социально-политическим и экономическим системам современных государств.

организаций (в том числе региональных объединений) в современной мировой системе. Эта проблема в теоретическом и прикладном смыслах значительно усложняет нашу исследовательскую повестку. Но в условиях перемен, в том числе кризиса ряда существующих международных организаций (от ООН до НАТО) и подъема новых региональных международных объединений (типа БРИКС, ШОС и др.), роль организаций – предмет отдельного направления исследований. Для этого предстоит отработать новые концептуальные и методологические основания и создать соответствующую эмпирическую базу.

Среди перспективных методологических подходов к данной проблеме возможно развитие *сетевого анализа*, использованного, в частности, в проекте НИУ ВШЭ при поддержке РНФ, посвященного анализу динамики мощи и влияния государств в условиях меняющегося мирового порядка. Заметим при этом, что сетевой подход может быть полезным и при изучении различных аспектов взаимодействия современных государств и блоков государств в общем контуре мировой системы и ее отдельных региональных и иных измерений.

РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И УТОЧНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ИНДЕКСОВ

Разработанные и использованные в проекте “Атлас 1” пять упомянутых выше оригинальных индексов, а также эмпирические базы данных, сформированные и обработанные с использованием различных методов многомерного статистического анализа, позволили получить своего рода “моментальный снимок” по состоянию на 2005 г. во многом скрытой до того структуры мира. Понятно, что с тех пор очень многое изменилось: как в самой международной политической реальности, так и в способах ее познания и понимания. Поэтому в проекте “Атлас 2” важной задачей становится критическое переосмысление содержания используемых индексов, коррекция и уточнение используемых в них переменных. Ниже мы рассматриваем эти вопросы подробнее с той, однако, оговоркой, что итоговый набор индексов, их композиция, а также веса, с которыми различные переменные входят в рассчитываемые индексы, будут уточняться в ходе эмпирической стадии исследовательского проекта на основе современных методов анализа данных.

(1) *Индекс государственности*

Этот индекс базовый для понимания всех современных государств, степени их суверенности и иных внутренних качеств, которые в свою очередь связаны с особенностями внешней среды и отношениями с другими государствами в мировой системе. При этом важно подчеркнуть, что характеристики государственности не сводятся исключительно к качеству суверенитета, но также включают и успешность в осуществлении исторически расширяющегося набора государственных функций. Речь идет не только о классических “веберианских” функциях “легитимного насилия” – поддержания внутреннего порядка и обеспечения защиты от внешних угроз. Но также и о функциях, так или иначе связанных с поддержанием внутренней интегральной стабильности государственного сообщества: традиции существования независимой государственности, купирования внутренних культурных конфликтов различного рода, защиты страны от угроз внешней экономической и иного рода зависимости...

В современной литературе, прежде всего зарубежной, но также и отечественной, в данном контексте активно дискутируется проблема так называ-

емой *государственной состоятельности* (*state capacity*). Под ней, как правило, понимается способность государства эффективно реализовывать собственные решения, касающиеся внутренней и внешней политики, социально-экономической сферы и др. По сути, это несколько иная постановка вопроса о качестве государственности.

В существующих исследованиях государственной состоятельности реализованы различные подходы, прежде всего касающиеся выделения базовых, "зонтичных" функций государства, лежащих в основе его "состоятельности". При всем разнообразии точек зрений и интерпретаций едва ли не доминирующим в современной литературе является вычленение трех базовых способностей, определяющих состоятельность государства: (а) *принуждающая* ("веберианская"); (б) *экстрактивная*, или *фискальная* (обеспечивающая поступление средств в казну прежде всего посредством налогов, но не только); и (в) *административно-бюрократическая* (ответственная за качество государственного управления). Каждая из этих способностей в силу их латентного (то есть скрытого от непосредственного наблюдения) характера не может быть выражена и измерена напрямую. Для этого используются различные наборы так называемых *proxy-переменных*, т.е. наблюдаемых величин, заменяющих ненаблюдаемые показатели.

В наших предшествующих исследованиях была, в частности, предпринята попытка разработки и эмпирического тестирования собственного индекса государственной состоятельности [Ахременко, Горельский, Мельвиль 2019а; 2019б], основанного на измерении трех указанных выше и, разумеется, конкретизированных "способностей". Полученные результаты, преобразованные в соответствующие рейтинги, позволили эмпирически выделить, прежде всего, две группы стран – максимально состоятельные (Норвегия, Дания, Израиль, Австралия, США, Швеция, Финляндия и др.) и минимально состоятельные (Габон, Танзания, Экваториальная Гвинея, Бурунди, Йемен, Бангладеш и др.). Применительно к нашему проекту "Атлас 2" еще предстоит решить вопрос, включить ли, и если да, то как конкретно, дополнительные показатели государственной состоятельности в индекс государственности, либо же продолжить эксперимент с дополнительным отдельным индексом.

Еще одной важной концептуальной и эмпирической проблемой в рассматриваемом контексте является не так давно вышедший на передний план сравнительных исследований вопрос об *устойчивости* (*resilience*) государств по отношению к разного рода внешним и внутренним вызовам и шокам [Chandler, Coaffee 2017]. Традиционно во многом сходный вопрос рассматривался в существующей литературе в контексте режимной устойчивости, то есть прежде всего выживаемости (несменяемости) существующих политических режимов в ситуации внешнего и/или внутреннего напряжения. Как представляется, в сегодняшних условиях перемен в современном миропорядке (как минимум не в полной мере предсказуемых) именно устойчивость суверенных, пусть и в разной степени, государств как его ключевых "ячеек" представляется крайне важным условием сохранения хотя бы основных элементов выживания мировой системы и предотвращения ее полной эрозии или прямой деструкции. Государственная устойчивость по отношению к возникающим внешним и внутренним вызовам является одним из ключевых условий для исключения перспективы глобальной неуправляемости.

У поставленной проблемы есть еще один важный концептуальный аспект, пока что еще не в достаточной мере проясненный. Речь идет о сочетании устойчивости/стабильности и *развития*, причем как отдельных государств, так и мировой системы в целом. В какой мере и как устойчивость государственной структуры может сочетаться с задачами экономического, социального, политического и иного развития – в том числе в духе, казалось бы, незыблемой в течение многих десятилетий парадигмы модернизации? Действительно, развитие так или иначе предполагает отказ от прежней устойчивости и дестабилизацию существующей ситуации. Но если приоритетом оказывается устойчивость/стабильность (в данном случае – не столько режимная, сколько государственная), то возникает потребность и в *новой теории развития*, которая в тенденции должна была бы прийти на смену векторной и линейной парадигме.

Наконец, важный вопрос, впрочем, относящийся фактически ко всем рассматриваемым нами индексам, связан с окончательно нерешенной (в том числе и в существующей литературе) проблемой измерения их концептуально определенных, но при этом эмпирически трудно регистрируемых показателей. Наша установка на использование строгих эмпирических данных, имеющих статистическое выражение, не позволяет широко пользоваться экспертными оценками, хотя мы и прибегаем к ним в отдельных случаях. В результате возникает непростая методологическая проблема: как и чем заменить не имеющие непосредственного статистического выражения переменные индексов? Как уже отмечалось выше, один из подходов, широко используемых в современных статистических исследованиях, состоит в определении *proxy*-переменных, которые, условно говоря, позволяют "подменить" эмпирически нефиксируемые характеристики изучаемых объектов их иными наблюдаемыми свойствами.

С учетом вышесказанного обновленный индекс государственности в настоящий момент включает следующие группы *proxy*-переменных.

Принуждение:
– военные расходы как доля ВВП;
– преднамеренные убийства и жертвы внутренних конфликтов.

Политика:
– время существования суверенной государственности;
– внутренние конфликты и масштабы жертв;
– влияние внутренних конфликтов на стабильность режима;
– территориальное выражение внутренних конфликтов;
– наличие на территории страны иностранных военных контингентов;
– доля доминирующего этноса в структуре населения страны.

Экономика:
– доля внешней помощи в ВНД государства;
– внешняя долговая зависимость;
– режим привязки национальной валюты.

(2) ***Индекс потенциала международного влияния***

Это один из важнейших параметров, характеризующих положение и роль государства в мировой системе. Само понятие влияния (мощи и силы) – одно из базовых в политической науке и международных исследованиях от Фукидида до сегодняшнего дня. Тем не менее в литературе нет какого бы то

ни было теоретического и методологического единства относительно содержания и способов концептуализации и операционализации этих ключевых понятий. Традиционно, по крайней мере в течение последних пятидесяти лет, в международных исследованиях, особенно так называемого *реалистического* направления, национальная мощь понималась как сочетание, совокупное производное от территории, населения, экономического и военного потенциала, помноженное на национальную волю и стратегию [Cline 1977]. Такого типа подходы, разумеется, с учетом их модернизации, так или иначе доминируют и в сегодняшней литературе, хотя многие существенные вопросы, относящиеся к измерению и сочетанию указанных параметров, остаются недостаточно проясненными.

С концептуальной точки зрения особенно принципиальным здесь представляется различение *потенциала* (возможностей) влияния и его реальных и эмпирически фиксируемых *эффектов*. Это различение имеет и существенный теоретический и методологический характер, прежде всего в силу эмпирически фиксируемых обстоятельств, когда, казалось бы, имеющиеся у международного участника в той или иной ситуации ресурсы и возможности не используются в полной мере и не приводят к теоретически возможным результатам. Или напротив, когда, как мы уже говорили выше, поставленные цели и результаты могут достигаться преимуществом на основе политической воли и стратегии при дефиците материальных ресурсов.

При этом отнюдь не все соответствующие политические эффекты и результаты могут получать строгое статистическое выражение, хотя и отражаются в квалифицированных экспертных оценках. Перед исследователем встает непростая дилемма. С одной стороны, можно сделать акцент на экспертной оценке внешнеполитических эффектов тех или иных решений и действий, принимая во внимание имеющиеся ресурсы. С другой – попытаться эмпирически оценить эти ресурсы как материальные возможности, которые, во-первых, могут быть недостаточными, а во-вторых, не всегда и не в полной мере могут быть эффективно использованы для достижения поставленных целей.

В нашем случае мы являемся сторонниками второго подхода, то есть эмпирической оценки именно имеющихся исходных ресурсов, а не конечных эффектов международного влияния. Речь идет о *потенциале*, который теоретически может быть использован для достижения поставленных внешнеполитических целей, но может и не использоваться или использоваться неэффективно. При этом сама структура потенциала международного влияния *многослойна*, она включает различные как традиционные, так и новые компоненты, которые ее исторически видоизменяют.

В проекте “Атлас 2” мы имеем дело как с модифицированными переменными предшествующих исследований, так и с некоторыми новыми измерениями, отражающими современную динамику международного влияния. При этом, однако, мы в настоящий момент воздерживаемся от однозначных оценок эволюции традиционных компонентов мощи и влияния – в первую очередь военной силы и инструментов ее поддержания и развития. Ответы мы надеемся получить в ходе дальнейших исследований.

Структура обновленного индекса потенциала международного влияния включает пять групп переменных. Прежде всего, это экономическое состояние. Не менее значима, разумеется, военная мощь. Кроме того, важный

фактор, по крайней мере еще в относительно недалеком прошлом, – позиция и влияние страны в ведущих международных организациях и институтах. В настоящее время важно учитывать в целом неустойчивую ситуацию, связанную с реально происходящей эрозией этих международных институтов. Далее, это так называемая *мягкая сила* (влияние идей, образцов и примеров) и, разумеется, традиционные природные (или "сырьевые") компоненты – территория, демографический потенциал, природные ресурсы.

Экономика:

– доля в мировом ВВП;

– доля в мировом экспорте товаров и услуг.

Военная мощь:

– доля в мировых военных расходах;

– доля вооруженных сил страны в общей численности вооруженных сил всех стран мира;

– ядерное оружие и современные средства доставки;

– многоцелевые ударные самолеты (доля от мирового парка).

Международное институциональное влияние:

– продолжительность членства в СБ ООН;

– доля голосов при принятии коллективных решений в Международном валютном фонде.

Мягкая сила:

– лауреаты Нобелевских премий;

– число заявок на патенты от нерезидентов;

– число университетов в топ-500 Шанхайского рейтинга.

Природные ресурсные компоненты:

– доля территории страны от мировой;

– доля в мировой численности населения;

– доля в мировых запасах нефти и газа.

Все эти группы переменных отнюдь не предсказывают реальные эффекты и уровни международного влияния конкретных стран в мировой системе в данный исторический период. Как уже говорилось выше, крайне важные факторы влияния по сути своей неизмеримы (или получают статистическое выражение с большим трудом, в виде прежде всего экспертных оценок) – это реализация национальной стратегии и наличие политической воли, поддержанные на элитном и массовом уровнях.

(3) ***Индекс внешних и внутренних угроз***

Все государства всегда существовали и существуют в условиях разнообразных угроз и опасностей, на которые они вынуждены так или иначе реагировать. Фактически это естественное для любого государства состояние, хотя понятно, что спектр и масштабы этих угроз в каждом отдельном случае специфичны. С некоторыми из них государства сталкиваются, независимо от уровня их развития и особенностей внутреннего устройства (например, оказываясь в зонах стихийных бедствий), в других случаях возникающие угрозы связаны с особенностями внутренних и внешних процессов (например, наличие угрозы терроризма или нелегальных сепаратистских движений и др.).

Во многих отношениях стоящие перед государствами в каждый отдельный момент угрозы и вызовы *историчны*, т.е. возникают и эволюционируют как

национальные приоритеты по мере развития как отдельных государств и их групп, так и глобального контекста. Некоторые из этих угроз и вызовов, прежде всего относящиеся к обеспечению национальной безопасности (в физическом, но не только, отношении) и противостоянию природным катаклизмам, имеют своего рода базовый и во многом универсальный характер. Другие возникают и выходят на передний план на отдельных этапах исторического развития и появления новых проблем (например, эпидемии ВИЧ/СПИД, COVID-19 и др.). При этом развитие современных государств и умножение их функций ведет, как ни парадоксально, к расширению *пространства рисков* – как национальных, так и международных. Многие из этих рисков по сути *непредсказуемы*, вторгаются в национальное и международное пространство и способны во многом изменить ход истории и состояние мирового порядка. Эти, если угодно, "черные лебеди" могут возникать в разных измерениях, как в пространствах природных процессов, так и в головах политических лидеров, желающих и способных своими решениями неожиданно изменить существующие порядки.

В новом исследовательском проекте МГИМО и НИУ ВШЭ мы сохраняем многие ключевые параметры индекса внешних и внутренних угроз в силу их валидности, но при этом вносим определенные коррективы. В "Атласе 2" этот индекс включает (а) экономические, (б) политические и (в) природные переменные. Эти обновленные переменные в конкретных ситуациях могут составлять разные комплексы угроз и вызовов, но в целом они очерчивают их актуализированный к настоящему времени круг.

Экономика:

– несбалансированный экспорт и преобладание одного-двух товаров в структуре экспорта;

– зависимость национальной экономики от внешних факторов и влияний, в том числе санкций.

Политика:

– наличие территориальных претензий со стороны иностранных государств;

– наличие угрозы терроризма;

– присутствие на территории страны нелегальных сепаратистских и/или антиправительственных движений;

– наличие в стране легальных сецессионистских движений;

– попытки неконституционной смены власти или государственных переворотов;

– наличие крупного внутреннего вооруженного конфликта.

"Природные" угрозы:

– размещение страны в зоне повышенной опасности стихийных бедствий;

– проблемы со снабжением населения питьевой водой;

– проблемы недоедания или голода (недостаток питания по нормам FAO).

(4) ***Индекс качества жизни***

Качество жизни – один из важнейших индикаторов, характеризующих современное состояние государства и – особенно в сравнении с другими государствами – тренды его развития. В идеале в основе оценки должно быть потребление гражданами *материальных* и *духовных благ*, степень удовлетворения базовых потребностей. Однако на самом деле индекс качества жизни

говорит не только об этом, но и о большем. Он характеризует государственные приоритеты, степень эффективности административной системы и даже отчасти качество "демократии" данного государства, равномерность распределения совокупных ресурсов и обеспечение потребностей всех общественных групп, а не только особых, определенных слоев населения.

На практике существуют и используются два основных подхода к измерению качества жизни. В одном случае упор делается на оценке и сравнении субъективных восприятий (индивидуальных и коллективных) собственного существования и степени удовлетворения различных материальных и духовных потребностей. В другом случае замеряются специально отбираемые параметры, которые теоретически могут обеспечивать удовлетворение этих потребностей. Так, в частности, поступают ведущие международные организации, специализирующиеся в данной области: Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), ООН, Всемирный банк и, конечно же, Программа развития ООН (ПРООН) (именно ПРООН разработала широко известный собственный индекс человеческого развития). Сходный подход применялся и в обоих наших проектах – "Атлас 1" и "Атлас 2".

В итоге в настоящее время мы используем индекс качества жизни, включающий следующие группы переменных:

Ресурсы:

– ВВП на душу населения.

Здравоохранение:

– расходы на здравоохранение на душу населения;

– ожидаемая продолжительность жизни при рождении;

– детская смертность до 1 года;

– смертность от передающихся болезней (на 100 тыс. населения);

– смертность от увечий (несчастных случаев, убийств, самоубийств и пр.) на 100 тыс. населения;

Образование:

– расходы на образование на душу населения;

– включенность населения в систему начального, среднего и высшего образования.

(5) ***Индекс институциональных основ демократии***

Наиболее дискуссионным и противоречивым индексом, предложенным в "Атласе 1", являлся индекс институциональных основ демократии. Он имеет отношение к режимным характеристикам, точнее, к наличию определенных *традиций и институтов*, которые теоретически могли бы воздействовать на формирование реальных демократических практик в политике. В этом – существенное отличие данного индекса от многочисленных других авторитетных в политических и научных кругах индексов, которые претендуют на экспертное или иное оценивание реальных политических режимов – таких, например, как *Freedom House*, *Polity, Economist* и, конечно, едва ли не самый популярный и авторитетный сегодня *V-Dem* (*Varieties of Democracy*).

В данном случае сохраняется отмеченная выше дилемма: упор на оценки или на статистические данные. Заметим при этом, что выбор предлагаемого в исследовании набора статистических данных по-своему тоже субъективен, как и метод экспертных оценок. Возможное разрешение этой дилеммы

находится в анализе базовых концептуальных положений, избираемых при формулировании оснований для предложенного индекса и его компоновки.

Главный фокус исследовательского внимания в нашем случае сконцентрирован не на оценке и ранжировании существующих политических режимов по тем или иным шкалам, а на оценке существующих институциональных традиций и практик, которые в определенной ситуации могли бы составлять своего рода основу для демократизации. Но никакой предопределенности здесь в принципе нет, традиции и рассматриваемые нами основания в тех или иных ситуациях могут быть задействованы, но могут и остаться нереализованными возможностями. Это исходное положение имеет принципиальный характер и выводит нас из сферы конкуренции по поводу тех иных существующих в литературе режимных рейтингов конкретных государств. Концептуально мы делаем упор на *минимально необходимых*, но реально отнюдь *не достаточных* условиях становления демократических практик и процедур.

С учетом новейших баз данных, а также политической и концептуальной динамики, состав переменных этого индекса может быть существенно уточнен. Например, в него могут войти показатели, отражающие убийства по политическим мотивам и наличие двух и более прецедентов мирного перехода власти к оппозиции. Эти показатели интегрируют опыт "игры по правилам" в соответствии с современными пониманиями демократического правления. Из индекса могут быть исключены ранее использовавшиеся бинарные переменные (непрерывность и длительность демократической традиции) прежде всего в силу их сугубо экспертных характеристик. В случае с переменной, отражающей неконституционные смены власти, можно использовать не бинарные, а порядковые значения. В итоге возможный вариант компоновки индекса выглядит следующим образом:

Традиции конкуренции:

– характер и уровни конкуренции при формировании исполнительной власти;

– характер и уровни парламентской конкуренции;

– влияние парламента на формирование правительства;

– нахождение во главе исполнительной власти более двух сроков подряд;

– отсутствие или подрыв конкуренции при формировании исполнительной власти.

Традиции политического участия:

– включенность граждан в избирательный процесс;

– доля женщин в нижней палате парламента.

Иные особенности:

– наличие убийств по политическим мотивам;

– нарушения конституционного порядка (неконституционные смены власти, перевороты или их попытки, гражданские войны, оккупации);

– наличие двух и более прецедентов мирных переходов власти к оппозиции.

Заметим, что в случае измерения разнородных характеристик политического режима государства, характера и механизмов функционирования его политических институтов возможен также принципиально иной подход к решению поставленной измерительной задачи. Вместо построения индекса, располагающего государства на одномерной – и, к сожалению, неизбежно политизированной – шкале, возможно комплексное описание политического

дизайна на основе многомерного векторного подхода, в рамках которого по отдельности оцениваются различные свойства политического режима без их свертывания в скалярный индекс. Методологические детали и практические следствия такого варианта измерения политического режима и – шире – политического устройства государства выходят за рамки данной статьи и будут подробно рассмотрены в последующих работах.

Заключение

Разновекторные изменения мирового порядка и растущая неоднородность в паттернах развития современных государств обусловливают актуальность мониторинга политического развития государств современного мира и их взаимосвязей. Решению задачи разработки системы такого мониторинга как раз и посвящен новый научный проект "Политический атлас современного мира 2.0", реализуемый консорциумом МГИМО МИД России и НИУ ВШЭ.

В рамках проекта будет предложена обновленная система индексов и наборы показателей, характеризующие современное состояние и динамику развития миропорядка и его составных частей. Эта обновленная система индексов будет опираться на новые теоретические и методологические разработки, отражающие современное состояние научной дискуссии и позволяющие осуществлять комплексную диагностику тенденций развития миропорядка. Особое внимание будет уделено разработке программной среды для визуализации и осуществления доступа представителей академического и экспертного сообществ и лиц, принимающих решения, к результатам проекта. В том числе по линии продолжения разработки и развития, прежде всего силами коллектива МГИМО, онлайнового энциклопедического ресурса по политическим и социально-экономическим системам современных государств.

Таким образом, перед исследовательским коллективом МГИМО и НИУ ВШЭ в рамках совместного проекта стоит целый ряд непростых концептуальных, эмпирических и методологических вызовов, вытекающих как из логики развития знания в наших предметных областях, так и из анализа реальной политической, социальной, экономической и иной динамики современного мира. Важнейшая задача проекта состоит в реконцептуализации наших общих подходов и, в частности, уточнении и обосновании параметров используемых индексов. В свою очередь это предполагает работу в условиях еще неполной ясности ряда эмпирических вопросов, относящихся к отмеченным выше ограничениям в доступных эмпирических источниках и базах данных. Существенные ограничения обусловлены и доступными сегодня методами статистической обработки необходимых данных, что также было обозначено выше. В этой ситуации мы предполагаем использовать целый комплекс современных статистических методов (в том числе основанных на байесовских принципах статистического анализа), которые в итоге должны позволить нам получить своего рода многомерную "голографическую" картину различных аналитических "срезов" изучаемой реальности. Наконец, и сама эта бурно меняющаяся и труднопредсказуемая современная общественно-политическая реальность требует разработки новых приемов ее изучения – не в статике, но в динамике. "Атлас 2" призван стать своего рода путеводителем по происходящим в современном миропорядке тектоническим изменениям. Заметим при этом, что результаты совместного проекта могут быть значимы и в обра-

зовательной области, включая информационные и методические ресурсы, а в тенденции – и новые образовательные программы.

Коллективы МГИМО и НИУ ВШЭ располагают значительным потенциалом – накоплен опыт масштабных проектов, образовательные программы готовят сильных студентов и аспирантов, которым открываются привлекательные проектные возможности в рамках "Политического атласа современного мира 2.0", в научном и политическом сообществах есть запрос на теоретические и прикладные знания о современном мире. Иными словами, имеются основания рассчитывать на продвижение по всем указанным направлениям.

DOI: 10.17976/jpps/2023.02.06

"POLITICAL ATLAS OF THE MODERN WORLD 2.0". FORMULATION OF THE RESEARCH PROBLEM

A.Yu. Melville[1], A.V. Malgin[2], M.G. Mironyuk[1], D.K. Stukal[1]

[1] *HSE University. Moscow, Russia*

[2] *MGIMO University. Moscow, Russia*

MELVILLE, Andrey Yuryevich, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Distinguished Scholar of Russia, Academic Supervisor and Dean, Faculty of Social Science, HSE University, email: amelville@hse.ru; **MALGIN, Artem Vladimirovich**, Ph.D. (Polit. Sci.), Professor, Vice Rector for General Matters, MGIMO University, artemmalgin@gmail.com; **MIRONYUK, Mikhail Grigorievich**, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Faculty of Social Sciences, HSE University, email: mmironyuk@hse.ru; **STUKAL, Denis Konstantinovich**, PhD, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Assistant Professor, Faculty of Social Sciences, HSE University, email: dstukal@hse.ru

Melville, A.Yu., Malgin, A.V., Mironyuk, M.G., & Stukal, D.K. (2023). "Political Atlas of the Modern World 2.0": formulation of the research problem. *Polis. Political Studies*, 2, 72-87. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.06.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the MGIMO consortium of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and HSE University from the grant for the implementation of the program of strategic academic leadership "Priority 2030".

Received: 08.12.2022. Accepted: 11.01.2023

Abstract. This article gives an overview of the consortium between MGIMO-University and HSE University that was launched in 2022 to jointly implement the "Political Atlas of the Modern World 2.0" research project. Among the central objectives of this project is the study of the characteristics of states that determine their positions within the modern world system. An obvious challenge for the project team is that both the states and the system of which the states evolve are important, yet not only the actors are undergoing various transformations; both the states and the system are sources and targets of countless influences. A good solution to the problem in the context of this challenge is seen in the definition and systematic measurement of the characteristics of states, describing both the resources at their disposal and the features and results of their activities. As part of the research project, it is necessary both to re-conceptualize the previously proven indices of stateness, the potential for international influence, external and internal threats, the quality of life and the institutional foundations of democracy and to clarify the variables used in the indices, and to test new methods of analysis (for example, methods of Bayesian statistics, network analysis, etc.) of the ever-growing volume of time series data. Among other opportunities, this allows to assess the dynamics of states' positions in the world. For example, efforts to re-conceptualize statehood are to account for the problem of state resilience, which is currently the focus of both academic and applied research. The development of software to visualize and provide access to the results of the project to representatives of the academic and expert communities and decision makers is underway. This includes the development of an online encyclopedia of political and socio-economic systems of modern states.

Keywords: consortium, atlas, MGIMO, HSE-University, state, world order, index, statistical analysis, resilience, stateness, threat, influence, quality of life, democracy.

References

Bull, H. (1977). The anarchical society. A study of order in world politics. London: Red Globe Press London. https://doi.org/10.1007/978-1-349-24028-9

Chandler, D., & Coaffee, J. (Ed.). (2017). The Routledge handbook of International Resilience. London: Routledge.

Cline, R. (1977). World power assessment 1977: a calculus of strategic drift. Boulder: Westview Press.

Haken, N., Woodburn, D., Gallo-Carelli, J., Cooper, A., Moglen, D. S., Faborode, J., Asfaw, Y., Wilson, W., Turner, P., Duvor, C., Nyukechen, E., Reece, N., Waterworth, M., Fiertz, N., Taft, P., Madden, J., Sample, E., Silveira, N., Tomusiak, A. & Miller, R. (2022). Annual report. Fragile states index 2022. https://fragilestatesindex.org/2022/07/13/fragile-states-index-2022-annual-report/

Hall, J.R. (1996). International orders. Cambridge: Polity Press.

Melville, A.Yu., Akhremenko, A.S., & Mironyuk, M. (2019). What Russia can teach us about power and influence in world politics. *Russian Politics*, 4(2), 137-167. https://doi.org/10.1163/2451-8921-00402001

Melville, A.Yu., Polunin, Y., Ilyin, M., Mironyuk, M., Timofeev I., Meleshkina, E., & Vaslavskiy, Y. (Ed.). (2011). Political atlas of the modern world. An experiment in multidimensional statistical analysis of the political systems of modern world. London: Wiley-Blackwell.

Paul, T.V., & Hall, J.A. (Ed.). (1999). International order and the future of world politics. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Akhremenko, A.S., Gorelskiy, I.E., & Melville, A.Yu. (2019a). How and why should we measure and compare state capacity of different countries? Theoretical and methodological foundations. *Polis. Political Studies*, 2, 8-23. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02

Akhremenko, A.S., Gorelskiy, I.E., Melville, A.Yu. (2019b). How and why should we measure and compare state capacity of different countries? An experiment with empirical research. *Polis. Political Studies*, 3, 49-68. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04

Fenenko, A. (2018). "Prusskie uroki" dlya Rossii ["Prussian lessons" for Russia]. *Russian International Affairs Council*. (In Russ.) https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prusskie-uroki-dlya-rossii/?ysclid=lav5miojx5971548153

Melville, A.Yu., & Mironyuk, M.G. (2020). "Political atlas of the modern world" revisited. *Polis. Political Studies*, 6, 41-61. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04

Melville, A.Yu. et al. (2007). Politicheskii atlas sovremennosti. Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudarstv [An experiment in multidimensional statistical analysis of the political systems of modern world]. Moscow: MGIMO University Publ. (In Russ.)

Torkunov, A.V., Melville, A.Yu., & Mironyuk, M.G. (Ed.). (2009 (2012); 2012; 2012; 2014). Politicheskie sistemy sovremennykh gosudarstv: Ehntsiklopedicheskii spravochnik: v 4 tomach. T. 1: Evropa; T. 2: Aziya; T. 3; Amerika. Avstraliya i Okeaniya; T. 4: Afrika [Political systems of modern states: Encyclopedic reference book: in 4 volumes. Vol. 1: Europe; Vol. 2: Asia; Vol. 3; America. Australia and Oceania; Vol. 4: Africa]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Литература на русском языке:

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. 2019а. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 8-23. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. 2019б. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 49-68. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04

Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г. 2020. "Политический атлас современности" revisited. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 41-61. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04

Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: в 4 т. Т. 1: Европа; Т. 2: Азия; Т. 3; Америка. Австралия и Океания; Т. 4: Африка. 2009 (2012); 2012; 2012; 2014. Под ред. А.В. Торкунова, А.Ю. Мельвиля, М.Г. Миронюка. М.: Аспект Пресс.

Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. 2007. Рук. авт. колл. А.Ю. Мельвиль. М.: МГИМО-Университет.

Фененко А. 2018. "Прусские уроки" для России. *РСМД*. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prusskie-uroki-dlya-rossii/?ysclid=lav5miojx5971548153